
«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ФОРМА НЕПРЯМОЙ АППЛИКАЦИИ «НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА»

Г.Ю. Филимонов, С.А. Цатурян

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Авторы изучают американскую «мягкую силу», продвигающую национальные интересы США. Анализируется эволюция «национального интереса», его трансформация и новые формы воздействия на мировой порядок. Авторы полагают, что значимость «мягкой силы» во внешнеполитическом арсенале современных государств будет возрастать благодаря всеохватывающей взаимозависимости.

Ключевые слова: «мягкая сила», «национальный интерес», неолиберализм, комплексная взаимозависимость, США, ноополитика.

Осмысление «национального интереса», понимаемого с XVII по сер. XIX вв. в качестве объективно значимой системы целей и задач национального государства как целого, с отличительными ценностями, происходило одновременно с ростом взаимозависимости между субъектами международных отношений. Рассматривая «национальный интерес» в фокусе изменений мирополитической системы, важно подчеркнуть: начиная с самых ранних форм организации (семья и племя), различные общества стремились к объединению в большие пространства, принимая доминирующую в них культурную матрицу.

С исторической точки зрения подобные процессы стимулировались урбанизацией средневековой Европы, вовлекающей деревенское население в городскую жизнь, где постепенно утрачивались традиционные связи с общиной и ее устоями. Так прокладывался своего рода «мост» от феодального государства к национальному, в котором, по мнению видного французского политолога Р. Арона, «все граждане имеют одну и ту же культуру и проявляют желание жить вместе и самостоятельно» [1. С. 94]. Причем «гомогенность этой культуры», по Арону, — «результат истории, т.е. часто — войн» [1], которые, к примеру, «в эпоху „Тридцатилетней войны“ (1618—1648 гг.) в значительной степени велись в связи с переходом от феодальных обществ, базировавшихся на традиции и претензии на универсальность, к современной государственной системе, опирающейся на *raison d'État*; войны времен Французской революции означали переход к государствам-нациям, определяемым наличием общего языка и культуры; войны XX в. были следствием распада империи Габсбургов и Османской империи, вызовом, связанным с претензиями на господство в Европе и концом колониализма. В каждый из этих переходных периодов то, что ранее принималось как должное, вдруг становилось анахронизмом: многонациональные государства XIX, колониализм XX в.» [7. С. 734].

Обозначенные эпохи, стремительно избавляющиеся от «старого» идейного наследия, сделали своей магистральной идеей национализм, облеченный в либе-

ральные или социалистические одежды. По сравнению с нашим временем, когда теория «свободной торговли» превратилась в мощнейшую опору неолиберализма и «мягкой силы», «национальный интерес» основывался на меркантилизме, «воспеваемом в трактатах XVI—XVIII вв., обосновывавших необходимость активного вмешательства государства в хозяйственную деятельность в основном в форме протекционизма — установления высоких импортных пошлин, субсидий национальным производителям и т.д.» [26. С. 233, 266]. Именно благодаря этим принципам, введенным первоначально в Англии (1690-е гг.) и просуществовавшим «весь период от Тридцатилетней войны и вплоть до конца эпохи Наполеона во всей центральной Европе» для защиты государств «от деградации, связанной с режимом свободной торговли» [26], гарантировался суверенитет большинства национальных правительств и традиционных обществ.

Появление в XIX в. телеграфа и радио, ускоривших темпы развития мировой политики и экономики, заложило основу того, что мы позже назовем внешней культурной политикой (компонента арсенала «мягкой силы»), предоставив уже в тот период крупной промышленной буржуазии и финансовой аристократии уникальный шанс расширить зоны приложения капиталов. Так, в 1835 г. произошло знаковое событие, закрепившее нарастающую глобализацию, сформировавшую к концу века мировой рынок: француз Ш.Л. Гавас основал первое в мире информационное агентство «*Agence Havas*», которое, «первоначально занимаясь распространением рекламы для печати», с 1870 г. «начало производить обмен информацией с крупнейшими информационными агентствами мира», а в 1879 г. превратилось в «акционерное общество, возглавляемое французской финансовой олигархией» [4]. Ответ «британского льва» не заставил себя ждать: в 1851 г. П.Дж. Рейтер, немец, эмигрировавший в Англию, основал в Лондоне свое информационное агентство для передачи биржевых новостей в Париж при помощи нового телеграфного кабеля.

Рождение и эволюция двух феноменов — мировой рынок (сформированный под лозунгами «свободной торговли») и внешняя культурная политика — происходили синхронно; успех «свободной торговли», провозглашенной англичанами, тесно увязывался с информационным сопровождением товаров и услуг. Таким образом, пропаганда, расширившая зону своего действия из-за технологических новаций, пополняет внешнеполитический арсенал ведущих держав мира, превратив информацию в могущественное оружие.

Начало американской идеологической экспансии непосредственно связано с президентом В. Вильсоном, предложившим создать новый миропорядок после разрушительной Первой мировой войны. Американская пропаганда в этот период мечтала об отказе от тайной дипломатии, которая, по мнению политических элит, символизировала «коварство и аморальность» европейцев. Декларируемая Вильсоном идея Лиги наций, основанная на равноправии народов, возымела должное идеологическое действие в бывших колониальных странах, закамуфлировав главные внешнеполитические задачи США того периода (проникновение американского крупного бизнеса в сырьевую кладовую Ближнего и Среднего Востока;

ослабление морской мощи Британской империи и предотвращение надвигающегося военно-политического лидерства Германии в Европе) [15. С. 106].

Спустя два десятилетия американский политический истеблишмент, заполучивший после Второй мировой войны лидерство в области спутниковой связи, нивелирующей фактор географического расстояния между материками, идет еще дальше, «утрачивая былой интерес к биполярным схемам типа „Хартленда“ Х. Маккиндера» и акцентируя внимание на факторе «мультиполярности и взаимозависимости в мировой экономике и политике» [11. С. 11]. Так, со второй половины XX в. базовой теорией, связывающей национальные интересы Америки с «мягкой силой», становится доктрина свободной информации, продвигаемая Дж.Ф. Даллесом. Будучи опытным политиком, Даллес понимал значение коммуникационных войн, дающих возможность беспрепятственного доступа в интересующие регионы мира: «Если бы мне пришлось выбирать из принципов внешней политики — писал он, — я провозгласил бы таким принципом свободный поток информации» [15. С. 108].

Основываясь на этой доктрине, американская школа геополитики рассматривает антагонистические идеологии на «шахматной доске народов» как «экстерриториальные, обладающие способностью свободно преодолевать границы между странами и группами стран». Причем возводится в абсолют значение технического фактора, в том числе «роль средств массовых коммуникаций, в отношениях идеологической борьбы между государствами» [12. С. 155], от которой «невозможно ни изолироваться и ни избавиться» [18. Р. 46].

Начиная с середины 1960-х гг., на фоне революционных изменений в культурно-коммуникационной сфере, американские интеллектуалы подчеркивают структурные изменения в историческом развитии человечества. Так, именитый политолог Дж. Розенау констатирует «необычайно высокую степень взаимозависимости народов и обществ, коренные трансформации в международных отношениях», выраженные в том, что «главными действующими лицами становятся не государства, а *частные лица (курсив авт.)*, вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле». В основе его концепции — «образование так называемого международного континуума, символическими персонажами которого выступают турист и террорист» [24. С. 219].

В 1977 г. выходит совместная книга Дж. Ная и Р. Кохейна — «Власть и взаимозависимость» (Power and Interdependence), заложившая теоретическую основу неолиберального институционализма. Основным понятием новой концепции становится «комплексная» взаимозависимость (заменявшая идею реалистов о коллективной безопасности), состоящая в экономическом взаимопроникновении в смысле международной торговли и перетока капиталов (причина явления — интернационализация мировой экономики); в общей заинтересованности государств в предотвращении крупной ядерной войны, экологической катастрофы и других глобальных проблем и вызовов [8. С. 438—450]; отражающая, по мнению авторов, «ситуацию в мировой политике намного лучше, нежели это делает школа реализма» [20. Р. 23].

Новая концепция не отрицает анархичный характер международных отношений, отстаиваемый реалистами. В противовес сторонникам «realpolitik», ставящим

в основу своей системы национальное государство, нелибералы уравнивают l'État с международными организациями, церквями, неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, революционными движениями и др. Выявляя упадок управляющей роли государства в международных отношениях, Дж. Най и Р. Кохейн используют такой общеметодологический инструмент, как «теория игр» (под игрой понимается процесс, в котором участвуют две и более сторон, ведущих борьбу за реализацию своих интересов; каждая из сторон имеет свою цель и использует некоторую стратегию, которая может вести к выигрышу или проигрышу в зависимости от поведения других игроков). С его помощью феномен «комплексной» взаимозависимости выявляет потенциальные выгоды от международного сотрудничества, делая ставку на транснациональные учреждения (институты), способные функционировать на основе взаимовыгодных договоренностей и компромиссов [19. С. 65].

«Мягкая сила» как результат эволюции неолиберальной парадигмы

Начало XXI века подтвердило практическую значимость этой концепции: основываясь на принципах неолиберального институционализма, Соединенные Штаты выступают за глобализацию в области политики, культуры, экономики, финансов и информации, что существенно ограничивает роль суверенного государства, превращая большинство политических элит мира в послушных исполнителей воли «лидера прогресса».

Стремление укрепить доминирование Вашингтона в мировой системе путем планетарного распространения американской культуры обогатило неолиберальную идеологию понятием «мягкой силы» (до появления термина в научной литературе имелось множество других схожих по смыслу, но не тождественных понятий, таких как: культурный империализм, культурная дипломатия, публичная дипломатия, культурная политика, информационный экспансионизм). Автором термина стал именитый политолог Дж. Най, возглавивший в середине 1990-х гг. школу управления им. Дж. Кеннеди при Гарвардском университете и впервые его употребивший в 1990 г. в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы». В своем труде ученый дал следующее определение: «Мягкая сила» — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат». Причем этот феномен органично вписывается в стратегию США в XXI веке, которая, по мнению автора, должна носить ускоренный характер: «Если Соединенные Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов и оно должно быть главным элементом новой стратегии» [21. С. 258—260].

Ключевым компонентом культурной политики Вашингтона становится массовая культура (отождествляемая большинством специалистов с понятием «американская культура»).

риканская культура»), успешность которой объясняется стремительным развитием высоких технологий, благодаря чему американская поп-культура транслируется на весь мир, становясь эффективным политическим и идеологическим инструментом, находящимся на службе у различных медиа-магнатов, транснациональных корпораций, представителей политических кланов, финансово-промышленных и иных деловых кругов [14].

В книге «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике», вышедшей в свет в 2004 г., ученый подкрепляет инновационность теории следующим тезисом: «Если Наполеон, распространявший идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса» [22. С. 87]. Другими словами, классическая военная теория, основанная на «жесткой силе», претерпевает значительные изменения, аккуратно подчеркнутые автором: «Когда ты можешь побудить других, возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны» [9].

В сравнении же с «жесткой силой», ориентированной на военное принуждение со стороны государства, «мягкая сила» предстает своего рода «транслятором», культивирующим привлекательный образ «града, светящегося на холме» среди иностранной аудитории путем согласованных действий всего госаппарата. Рассматривая «мягкую силу» в качестве тактического оружия, использующего «привлекательность демократии и свободного рынка», Белому дому предлагается использовать свое лидерство в культурно-коммуникационной сфере для усиления «эффекта американской дипломатии» [10]. Совокупность же всех информационных возможностей, подкрепляющих геостратегическое преимущество Соединенных Штатов, создает «информационный зонтик», с помощью которого американцы могут обмениваться сведениями со своими союзниками в одностороннем порядке, определяя их позиции по ключевым вопросам международной повестки дня. Причины, усиливающие значение «мягкой силы» в общем властном балансе государств: во-первых, взаимное переплетение экономик, в результате чего применение некоторых форм современного оружия, прежде всего ядерного, теряет всякий смысл, хотя именно оно по-прежнему останется фактором стратегического сдерживания в первой половине XXI века; во-вторых, снижение роли военной доблести и славы в шкале ценностей современных постиндустриальных обществ, придающее «фактору привлекательности той или иной страны гораздо большее значение, чем даже сокрушительное военное превосходство» [10].

Для решения этих проблем каждый президент США оказывается перед выбором: отстаивать интересы США силовым путем, посредством «жесткой силы», или инвестировать и пропагандировать свои идеалы, делая ставку на притягательность культурных ценностей, т.е. его задача сводится к правильному соотношению между «мягкой» и «жесткой» силой. Однако, несмотря на эффективность культур-

но-коммуникационной борьбы, очевидно, что сверхдержава не может обойтись без спецслужб, высокотехнологичной армии и определенных экономических санкций. Выверенное сочетание «жесткой» и «мягкой» силы, по Дж. Наю, можно обобщить в понятие «умная сила» (*smart power*), которая строится на балансе как прямых, так и непрямых методов воздействия на стратегически важный объект. «Умная сила» — величина непостоянная, набор инструментов которой варьируется в зависимости от исходных условий, целей и задач конкретных политических шагов. Именно об этом обновленном в теоретическом плане арсенале американской внешней политики говорила Х. Клинтон в американском сенате в ходе слушаний, посвященных ее утверждению в должности госсекретаря США. Тогда она изложила суть подходов американской дипломатии к использованию «умной силы» как приоритетного инструмента внешней политики США, заявив, что «дипломатия „умной силы“ станет авангардом внешней политики США» при администрации Б. Обамы [13. С. 17]. Х. Клинтон полагает, что именно «умная сила», основанная на союзе «твердой дипломатии и развитии партнерских отношений с другими правительствами», может создать «совместные сети (*сетевые организации — Г.Ф.*) индивидов и НПО», способные «находить инновационные решения глобальных проблем» [25]; в Ираке и Афганистане это вылилось в стратегию «трех Д»: Defense, Diplomacy, Development — военная операция, дипломатическая миссия, восстановление инфраструктуры [16].

Подобная стратегия кажется оправданной в силу того, что США понесли значительные имиджевые потери после кризиса мировой финансовой системы, разразившегося в 2008 г., которая ассоциируется в умах миллионов людей с образом «всесильного Уолл-Стрита». Растет число критиков «мягкой силы», заявляющих, что администрация США и многие другие ошибались, считая, что улучшение имиджа даст Америке больше возможностей для проведения своего курса». Так, профессор международной политики Д. Дрезнер из Университета Тафта утверждает, что, несмотря на «восстановление имиджа США среди граждан и элит иностранных государств», это изменение «не трансформировалось в значительное укрепление „мягкой силы“; вести переговоры в рамках G-20 или в Совете Безопасности ООН не стало легче». Опираясь, главным образом, на уроки военной операции Америки и ее союзников в Ливии, Дрезнер утверждает, что «мягкая сила», «как выяснилось, не может существенно помочь при отсутствии готовности применить „жесткую силу“» [6].

Сети и новое видение «национальных интересов»

В XXI столетии капитализм государственного типа передал «пальму первенства» постгосударственной модели экономического и политического администрирования, турбокапитализму. В игру вступает неведомая прошлым поколениям сеть, состоящая из элитных объединений бизнесменов и политиков «клубного» типа, транснациональных корпораций, мозговых трестов, неправительственных организаций и средств массовой информации. Очевидно, что эта модель сковывает и ограничивает национальные государства во всех вопросах, касающихся их безо-

пасности и целостности, что, к примеру, во времена кардинала Ришелье или императора Петра I казалось невысказанным. Изменения затрагивают все сферы государственной жизни, вызывая «революцию в дипломатии». К такому выводу пришла корпорация «Рэнд» в отчете под названием: «Рождение ноополитики: формирование американской информационной стратегии» [17. С. 102]. Трансформировалось само понимание мира, в котором уже «не только материальная база является предметом ожесточенного соперничества»; отныне, ключ к успеху будет лежать в умелом управлении информационными возможностями и ресурсами — стратегическом планировании и управлении» [5. С. 13].

Эксперты из «Рэнд» полагают, что существующие понятия киберпространства и информационной сферы (как совокупность киберпространства и СМИ) должны быть объединены в более широкий термин — «ноосфера» (термин введен в научный оборот выдающимся российским ученым В.И. Вернадским, понимающим его как сферу взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития; дальнейшее развитие этой теории связано с именами Эд. Леруа и Т. де Шардена). Они предваряют суть феномена следующим тезисом: на самых высоких уровнях политического руководства разработка информационной стратегии может способствовать появлению новой парадигмы, основанной на идеях, духовных ценностях, моральных нормах, законах и этике, переданных посредством «мягкой силы» в противоположность традиционной политике силы и ее акценту на ресурсы и способности, связанные с традиционной, материальной «жесткой силой» [5].

Формируется новая отрасль в политологии — «ноополитика», представляющая собой форму политического руководства, необходимую для взаимодействия с ноосферой, самым широким информационным пространством сознания, в котором объединены киберпространство (или «сеть») и инфосфера (киберпространство плюс СМИ); по сути, это метод реализации внешней политики в информационную эпоху, подчеркивающий первенство идей, духовных ценностей, моральных норм, законов и этики, основанный на применении «мягкой силы» [5. С. 14].

Из этого следует, что в XXI в. американская «мягкая сила» становится своего рода «оружием массового поражения», которое, в отличие, к примеру, от атомной бомбы, применяется постоянно, без временных и пространственных ограничений. Преимущество подобной политики очевидно: нанося непрямой информационный удар, объект воздействия, неспособный организовать фронтальную атаку, зачастую лишается былой уверенности и равновесия. Парадокс состоит в том, что, с одной стороны, «мягкая сила» — косвенная форма реализации «национального интереса», а с другой — «Троянский конь», разрушающий классическое национальное государство, его духовную основу, культурное ядро и предлагающий взамен транснациональную культуру потребления и удовольствий, стандартизирующую традиционные общества по подобию Америки. Несмотря на это обстоятельство, «национальные интересы по-прежнему будут играть важную роль, но они должны быть определены больше в общечеловеческом, а не государственном масштабе и быть совмещенными с более широкими, даже глобальными интересами в единую

расширяющуюся транснациональную сетевую структуру» [5. С. 14]. В сравнении с традиционным «реализмом, ставящим во главу угла государства», ноополитика заменяет их «сетью государств, государственных и негосударственных организаций», управляемых через «мягкую силу». В то время как «realpolitik» «противопоставляет одно государство другому», ноополитика «поощряет межгосударственное сотрудничество в коалициях и других совместных структурах» [5].

Это видение международных отношений вовсе не свидетельствует об окончательном разрыве со школой реализма. Подтверждение этому мы находим у бывшего государственного секретаря США К. Райс, размышляющей (в стиле своего именитого предшественника Г. Киссинджера) на страницах «Форин афферс» об итогах своей работы: «Наши отношения с традиционными (Россия, Китай) и новыми великими державами (Индия, Бразилия) играют важную роль в проведении успешной внешней политики. Как и прежде, система союзов США в Северной и Южной Америке, Европе и Азии остается столпом международного порядка, и сейчас мы приглашаем наших партнеров совместно ответить на вызовы новой эпохи» [23]. Транснациональная элита, продвигающая ценностную гомогенизацию планеты в интересах крупного промышленного и финансового капитала Америки и Европы, заявляет о своем намерении создать инструменты для построения «нового мирового порядка», который, по мнению члена Бильдербергского клуба Ж. Аттали, превратится в «эру денег», господства либерально-демократических ценностей и рыночных отношений, основанных не только на финансовом капитале, но и на информационных технологиях, которыми будут пользоваться «гиперкочевники», своего рода, глобальный управляющий класс, оторванный от национальных корней.

В этой всеобъемлющей системе «мягкая сила» предстает мостиком, приближающим национальное самосознание к мировому господству не единственной сверхдержавы, но рынка, в условиях которого произойдет «глобальная приватизация экономики, во всех сферах утвердится главенство мировых корпораций, а понятие „нация“ превратится лишь в отзвук былых реалий» [3]. Подтверждая тем самым тезис З. Бжезинского о том, что Америка — последняя сверхдержава современности, Ж. Аттали рисует картину будущего в лучших традициях неолитерализма и монетарной теории, обрамляя ее мифологическими эпитетами: «От Сантьяго до Пекина, от Йоханнесбурга до Москвы все экономические системы будут поклоняться алтарю рынка. Люди повсеместно будут приносить жертвы богам прибыли. Две экономические сферы — конкурирующие друг с другом, отличающиеся нестабильностью, но все более однородные — будут вести борьбу за гегемонию: одна из них — действующая в районе Тихоокеанского бассейна, а вторая — вокруг Европы. Они будут вести жесткую конкурентную борьбу за умы, за методы, за рынки. В каждой из них военное могущество уступит место могуществу экономическому» [2].

Внешняя культурная политика США и экспорт их культуры, форсирующий идеологическую борьбу в планетарных масштабах, способствуют развитию процессов глобализации, отчасти являясь порождением этих же трендов, и глобализация, в свою очередь, содействует реализации внешней культурной политики Соединенных Штатов и распространению американской культуры. Таким образом,

эти явления находятся в состоянии взаимопроникновения и взаимовлияния, служат одной из основных и неотъемлемых составляющих многоуровневой глобализации [13. С. 20]. Очевидно, что всеохватывающее «торжество рынка и денег», воспеваемое в трудах теоретиков «нового мирового порядка», невозможно без «непрерывного процесс унификации культурных предпочтений человечества», продвигаемого культурной глобализацией. Начиная с итальянского Ренессанса, этот процесс прошел через стадии французского, английского и американского культурного влияния, географический ареал которого каждый раз расширялся. Так, позиции итальянского Возрождения ограничивались Западной Европой, а остальной мир жил собственной культурной жизнью. Французская культурная экспансия XVIII — начала XIX вв. распространилась на всю Европу, а английское влияние XIX в. стало глобальным по охвату. Американскую же культурную традицию можно без преувеличения назвать планетарной — к концу XX в. практически нет такого уголка земли, где население не знало бы таких понятий, как джаз, рок, рэп, пепси, Голливуд и др. [13. С. 22]. Исходя из этого, даже самые смелые модели глобального управления, исключаяющие «национальный интерес» из поля своего действия, приобретают новое звучание.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арон Р.* Измерения исторического сознания / Пер. с фр. / Отв. ред. И.А. Гобозов. — М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- [2] *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия / Пер. с англ. — М.: Международные отношения, 1993. URL: <http://www.netda.ru/belka/texty/attaly/att1.htm>.
- [3] *Аттали Ж.* Понятие «нация» станет отзвуком былых реалий / Россия в глобальной политике. № 2, Март-Апрель 2007. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8387
- [4] Большая советская энциклопедия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/76957>
- [5] *Грияев С.Н.* Поле битвы — киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. — Мн.: Харвест, 2004.
- [6] *Дрезнер Д.* Есть ли у Обамы большая стратегия? Почему в смутные времена нам нужны доктрины // Foreign Affairs. 2011. № 4 // Россия в глобальной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Est-li-u-Obamy-bolshaya-strategiya-15279>
- [7] *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. — М.: Ладомир, 1997.
- [8] *Кохейн Р.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопал. — М., 1999.
- [9] *Най Дэс.* «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm
- [10] *Най Дэс.С., Оуэнс У.А.* Главная сила Америки — ее информационные возможности. URL: <http://www.infousa.ru/information/gjcom6.htm>.
- [11] *Пономарева И.Б., Смирнова Н.А.* Геополитика империализма США: Атлантическое направление. — М.: Мысль, 1986.
- [12] *Тихонравов Ю.В.* Геополитика: Учебное пособие. — М.: ИНФА-М, 2000.
- [13] *Филимонов Г.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. — М.: РУДН, 2010.
- [14] *Филимонов Г.* Фактор культуры во внешней политике США. URL: <http://humanities.edu.ru/db/msg/38693>
- [15] *Цатурян С.А.* Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США и Канада: экономика, политика, культура. — М.: Наука, 2010.

- [16] *Штайнгарт Г., Шмитц П.* Америка, которая внепланет. URL: <http://www.globalaffairs.ru/articles/0/12594.html>.
- [17] *Arquilla J., Ronfeldt D.* The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. RAND/MR-1033-OSD. 1999.
- [18] *Buckholts P.* Political geography. — N. Y.: Ronald Press, 1966.
- [19] *Keohane R.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. — Princeton, 1984.
- [20] *Keohane R., Nye J.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. — Boston: Little, Brown and Company, 1977.
- [21] *Nye J.* Bound to Lead. — N. Y., 1990.
- [22] *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. — N. Y., 2004.
- [23] *Rice C.* Rethinking the National Interest. American Realism for a New World. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/64445/condoleezza-rice/rethinking-the-national-interest>
- [24] *Rosenau J.* Le touriste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum transnational // 10 Etudes internationales. 1979.
- [25] Smart power ou la «nouvelle» diplomatie américaine. URL: <http://pourconvaincre.blogspot.com/2009/02/smart-power-ou-la-nouvelle-diplomatie.html>
- [26] *Wallerstein I.* The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy. — New York — London, 1980.

«SOFT POWER» AS A FORM OF INDIRECT APPLICATION OF «NATIONAL INTEREST»

G.Yu. Filimonov, S.A. Tsaturyan

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article provides the information on American «soft power» that promotes U.S. national interests worldwide. There is an analysis of the evolution of «national interest» and new forms of U.S. influence on the world order. According to the authors' opinion, the importance of «soft power» issues in foreign policy strategies of the countries will be growing further due to overwhelming interdependence.

Key words: «soft power», national interest, neoliberalism, complex interdependence, the USA, noopolitik.